

«КЛОЧОК ЗЕМЛИ»

Один из не очень уважаемых мною знакомых любил часто повторять слова Чаренца: «Все превращается в пепел и золу». Слова эти, казалось, были девизом моего знакомого, который по-своему продолжал фразу поэта. Мол, раз уж «все превращается в пепел и золу», то стоит ли думать о завтрашнем дне. Мол, надо спешить жить. И жить сегодня. На его «философию» я не очень обращал внимание. Тем более, я не мог отнестись, так сказать, критически к знакомому ввиду того, что некоторое время жил у него. А в таких случаях я руководствуюсь принципом Чехова, который писал о воспитанных людях: «Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя. Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты...» Я многое прощал моему знакомому, в том числе и воинствующую философию эгоиста, которую он проповедовал.

Как-то я обратил внимание, что его «девиз» повторяют другие. Те, кто общались с ним. Грешным делом, я даже таил в себе какую-то обиду на самого Чаренца за «девиз». Но какова была моя радость, когда, читая томик Чаренца, я наткнулся на знакомую фразу. «Все превращается в пепел и золу». Только, к счастью, несмотря на точку, фраза на этом не кончалась. Целиком она звучала так: «Все превращается в пепел и золу. Все, кроме памяти». Я уже не клял себя за невежество. За то, что ранее не знал об этом. Слишком было празднично на душе. И я прощал себя, как всегда прощал моего знакомого.

Я не спешил к знакомому, чтобы известить о моем открытии. Я, собственно, думал не о нем. Думал о Чаренце. О памяти... О том, что память связана не только с прошлым. О том, что помнить надо не только прошлое, но и настоящее. И даже... завтрашнее. Это куда труднее. И еще думал о том, что оптимист Чаренц не мог дать пищу человеку, который не верит в завтрашний день. И я попытался заглянуть в этот завтрашний

день. Мне захотелось написать о земле, которую мы создаем для завтра.

Летишь, бывает, над Арменией, прижавшись щекой к холодному иллюминатору, смотришь вниз и все не перестаешь удивляться: лунный пейзаж — и только. Под брюхом самолета медленно проползает выжженное оранжевое нагорье, сплошь усыпанное черными, белыми, красными камнями. Нередко бросаются в глаза ровные круги, обрамляющие верхушки сопков. Им, этим кругам, миллионы лет. Некогда они были кратерами вулканов. Некогда здесь земля гудела и ревела, выбрасывая на поверхность мириады тех самых черных, белых, красных камней, которые за миллионы лет все вокруг превращали в безжизненную пустыню.

И все же отношение армянина к камням святое. Оно святое не только потому, что они — его родина. Не только потому, что он увидел их, может, раньше, чем солнце, что на каждом из них отметина, клинопись, рисунок. Не случайно поэт сказал: в Армении нет «безграмотных» камней. Святое потому, что камни спасли народ, спасли уцелевших беженцев. На протяжении веков Армению не раз делили между собой завоеватели, и всякий раз их меньше всего прельщал именно этот кусочек вулканического нагорья, где никто не отваживался жить, где из тысяч деревьев, посаженных руками человека, не зеленело ни одно.

На этом клочке земли тысячелетиями существовали отдельные села и города. Но на этом клочке земли нельзя было выжить целому народу. Нельзя было создать государство. Нельзя было помышлять о возрождении. Вот почему уже через два месяца после совершенного геноцида армян в Османской империи его организаторы цинично заявляли на весь свет, что отныне нет армянского вопроса, потому что нет самих армян. Головорезы хорошо знали, что после трагических событий пятнадцатого года более семисот тысяч армян находились в северной части, в так называемой Русской Армении. Они знали об этом и ни на минуту не сомневались, что бездоленные голодные беженцы не выживут в мертвой каменной пустыне. Они хорошо знали, что крохотный остаток Армении в двадцать девять тысяч квадратных километров — это гигантское кладбище. И никого тогда не удивляло сообщение одной из английских газет, которая писала: «Вероятно, через несколько лет об армянах будут говорить как об исчезнувшем народе».

Таковы были, увы, не лишённые оснований прогнозы судеб семисот тысяч армян, чудом уцелевших из нескольких милли-

онов. И эти прогнозы могли бы оправдаться, если бы на территории в двадцать девять тысяч квадратных километров двадцать девятого ноября тысяча девятьсот двадцатого года не была установлена Советская власть.

Часто можно слышать уже ставшее привычным начало фразы: «Сразу же после установления Советской власти...» Сразу же после установления Советской власти в Армении ее представители отправились к Ленину. В то многотрудное время дороге до Кремля они преодолели за две недели. В самый день встречи, тринадцатого декабря 1920 года, Совнарком по предложению Ленина вынес решение об открытии кредита Советской Армении. И в течение двадцати четырех часов только что рожденная республика получила два миллиона рублей денежными знаками, или шестьсот тысяч золотом.

Подобной помощи многострадальная Армения не видела на протяжении тысячи лет. Деньги пошли на возрождение родины. И это было только началом. И начать надо было с того, чтобы создать, в буквальном смысле слова, сотворить землю. Ибо родина, в конечном итоге, — это земля.

Клочок чудом уцелевшей земли не вызывал прилива оптимизма у несчастных беженцев. На этом клочке крохотный участок Арагатской долины был единственным местом, где можно увидеть ровные поля, равнинные просторы. Долина — чаша. А если еще цепь хребтов, обрамляющих чашу, окажется покрытой голубой дымкой на рассвете или сизым маревом на вечерней зорьке, то взору путника предстанет редчайшее в Армении явление. Горизонт. Горизонт-иллюзия. Горизонт-мираж.

Тысячи и тысячи беженцев искали новые места для новой жизни. Искали в долине, которая называлась «мертвой», «соленой». Новая жизнь в «мертвой долине»? Но сегодня нас, так сказать, с высоты времени ничуть не удивляет этот парадокс. Во-первых, у несчастных беженцев большого выбора не было. Во-вторых, у армян после ноября тысяча девятьсот двадцатого года появилась не только вера в спасение, не только надежда на выживание. У них появилось прекрасное чувство — чувство предвидения. Оно вырастает из веры в будущее. Оно становится у человека реальным, осязаемым, оптимистичным только тогда, когда в душе и сердце появляется другое чувство — чувство государственности. На клочке освобожденной земли развевался флаг. Флаг веры. Родина приобрела своего хозяина. Не раба. Оптимиста. Легко было в прошлом упрекать армянина за пассивность и покорность. Не по своей воле он потерял опти-

мизм и жажду борьбы, жизнелюбие и гневный дух. Не по своей воле лишился он возможности умирать самоотверженно. Лишился, потому что находился под игом вооруженного до зубов головореза, под ярмом фанатичного деспота. Еще древние мудрецы говорили, что с гордо поднятой головой борются и умирают только свободные люди за свободу родины. Неволя армян длилась слишком долго. Веками. И они не только отучились жить по-армянски, но и умирать по-армянски. И не случайно воскликнул Айрик Хримян, обращаясь к соотечественникам: «До каких же пор говорить тебе, чтобы ты научился самоотверженно умирать? Весь мир усвоил этот урок, получив свой приз, а ты остался необученным младенцем... Вы, люди, имеете руки и десницы, разве иссяк ваш гневный дух?» О том, что не иссяк у этих людей «гневный дух», говорят нетленные страницы Великой Отечественной: более семисот тысяч армян воевали на фронтах войны. Около четырехсот тысяч пали смертью храбрых. «Умирили самоотверженно». Более ста армян показали «гневный дух» и стали Героями Советского Союза. Казалось, они хотели доказать миру, что действительно не иссяк их дух, что сладко умирать за свободу родины, и вдвойне сладко, когда ты борешься за флаг родины. Но это было потом. А в двадцатых годах надо было, обретя чувство государственности, создавать из камней землю.

Глядя на рельефную карту республики, а тем более путешествуя по ее горным тропам, трудно представить, что на этом клочке можно сеять пшеницу, разбивать сады, растить детей. Ученые подсчитали: площадь плодородных земель в республике меньше, чем площадь озера Севан. Остальное — вереница высоких гор, мириады камней. Трудно было поверить, что на такой, с позволения сказать, «земле» можно возродить жизнь некогда Великой Армении с ее оазисами, простиравшимися от моря до моря. Но оптимисты не только обладали даром предвидения. Они не только умели заглядывать вперед, но и четко усвоили принцип Чаренца: «Все превращается в пепел и золу. Все, кроме памяти». А память помогла установить, что еще у Мовсеса Хоренаци было отмечено: во втором веке до нашей эры при первом армянском царе династии Артаксидов Арташесе Первом «не было неводеланной земли в Армении ни на горах, ни на полях». Но земля всегда умирает, если умирают на ней отцы и не рождаются больше сыновья. Оголились камни. Враг сеял камни. И это надо понимать буквально. Так длилось до тысячи девятьсот двадцатого года...

Только спустя годы западная печать будет вынуждена признать, что сам пример возрождения из пепла Восточной Армении — беспрецедентный в мировой практике межнациональных отношений. Тысячи лет земля этой части Армении практически не возделывалась человеком, и не только потому, что попытки были тщетными. Нужна была уверенность в завтрашнем дне, без которой человек не возьмется за дело, требующее многолетнего изнурительного труда. Такая уверенность пришла в Армению, которую иногда называют Карастан — страна камней. Около девяноста процентов ее земель находится выше отметки тысячи метров над уровнем моря. Большая часть усеяна камнями. Камни многопудовые, многотонные. Земли же, расположенные в низменной части республики — Араратской долине — не были землей как таковой. Солончаки. Надо было из двух зол выбирать меньшее. Не было техники для очистки земли от камней, и вынуждены были взяться за солончаки, которые выдающийся почвовед В. В. Докучаев назвал «оспой земли». Только в отличие от натуральной оспы излеченная от тяжелого недуга земля Араратской долины не приобретала стойкого иммунитета. Дело в том, что Араратская низменность — это большая межгорная впадина, куда подземными путями просачиваются и стекают атмосферные осадки со всего водосборного бассейна. Здесь формируются подземные воды, которые аккумулируются из-за того, что нет естественного оттока. Интенсивное испарение и приводит к засолению почвы. Это обстоятельство вынуждает постоянно проводить работы по опреснению земли.

Для освоения солончаковых земель во всем мире проводится довольно сложный комплекс мероприятий. Это и строительство осушительно-оросительных систем, и капитальная планировка земель, и химическая мелиорация с промывкой, и сельскохозяйственное освоение. Однако этот своего рода академический комплекс в Армении осуществляется по-своему. Здесь своя, так сказать, академия, учитывающая местные условия, которые почти нигде не повторяются. Здесь разработана своя формула, по которой рассчитывается, скажем, количество химических мелиорантов для нейтрализации щелочной среды и вытеснения поглощенного натрия.

Исцеление в буквальном смысле слова. Беседуя с сотрудниками Института почвоведения и агрохимии, я не раз ловил себя на мысли, что здесь относятся к земле как к человеку. Как врач к пациенту. Процесс лечения нельзя затягивать, иначе мы не получим должного эффекта. И, получив должный эффект, не-

льзя забывать, что мы имеем дело с ослабленным организмом. Отсюда логичное продолжение многолетних оздоровительных работ. Причем работ грамотных. Например, в первый год сельскохозяйственного освоения сеют озимую пшеницу. Затем в течение трех-четырёх лет культивируют люцерну. Словом, долго еще трудятся над каждым квадратным сантиметром земли, чтобы получить саму землю.

Расходы, конечно, гигантские. В денежном отношении они окупаются через годы. В моральном — тотчас же. Сама работа по исцелению земли, по ее сотворению — это уже осознанная гордость за кусочек родины, созданный твоими руками.

Сегодня Араратская долина дает более шестидесяти процентов овощей и фруктов, производимых в республике. Когда-то многотысячные беженцы не решались обосноваться в этой, как полвека назад называли, мертвой долине. Сейчас, выезжая из Еревана в сторону знаменитого Эчмиадзина и Октемберяна, трудно поверить, что нескончаемый ряд виноградников и фруктовых садов вырос на искусственной земле.

В первые годы борьбы с солончаками параллельно ставился вопрос об очистке земель от камней. И кое-какие участки очищали еще тогда, когда на селе не было даже трактора. В основном это были участки, нафаршированные мелкими камнями, которые можно было убирать руками. И лишь в 1967 году в республике были созданы сразу тридцать два механизированных отряда, каждый из которых, по существу, представлял собой настоящее боевое подразделение, призванное вступить в бой с камнями.

В Советской Армении около сорока административных районов. И, пожалуй, наиболее каменистым считается Талинский. Я не раз обращал внимание, что, подъезжая к этому району, пассажиры, словно сговорившись, умолкают. Они молча смотрят на устрашающую своим видом каменистую пустыню, уходящую к горизонту. Порой кажется, это застыл, окаменел неведомый океан в момент шторма. И волны превратились в скалы, девятый вал — в гору. И уже каким-то чудом представляется крохотный зеленый сад у дороги или утопающая в зелени деревня, окруженная виноградниками. Если бы не огромные пирамиды и баррикады, сложенные из камней вокруг фруктового сада, вокруг деревни, вокруг виноградника, то вряд ли можно было бы поверить, что эти островки-оазисы созданы руками человека. Именно потому, что не верится, хотелось бы рассказать, как практически создаются эти самые островки,

покрытые зеленью. Хотя бы привести перечень работ, проводимых на каждом квадратном метре.

Вначале так называемый рыхлитель проходит по полю, чтобы, если можно так выразиться, расшевелить покрытую каменным панцирем землю. Проходит он три раза. Проходит крест-накрест. Потом корчеватель сдвигает с места каждую глыбу, с тем, чтобы можно было бы вросшие в землю камни-пни, камни-зубы вытащить из глубоких ям, в которых они пролежали тысячи, а может, и миллионы лет. Потом собиратель — все машины или приставки к обычному трактору имеют точное, соответствующее своему назначению название — сгучивает камни в одну груды, в один курган. Как правило, выбирается такое место, которое теперь уже никогда не понадобится человеку. Потом плантажным плугом машина достает из глубоких слоев похороненные в земле камни. После за дело вновь берется собиратель, который в основном подбирает крупные камни. Мелкие все же приходится выносить людям. Потом следует планировка или разравнивание. Со стороны, глядя на это, можно подумать, что люди готовят к игре футбольное поле: скашиваются кочки, засыпаются ямы. Планировка, как, кстати, и плантаж, как и все процессы, проводится трижды. Потом идет вспашка пятизубым плугом. Одна деталь: когда в одной из бригад в Талинском районе готовились к вспашке, я был уверен, что это уже последний шаг, что земля уже готова, так сказать, к сдаче. Но каково было мое удивление, если не сказать досада, когда я увидел, как накануне уже почти очищенное поле вновь покрылось тысячами и тысячами камней. Они вылезли из земли на поверхность, как картофель после картофелеборочной машины. И совсем как картофель, их убирают только руками. После третьей вспашки земля все еще бывает усеяна крохотными камешками, но их уже не трогают. Они — это известно давно — оберегают землю. Не дают ей портиться. Они на вечерней зорьке согревают землю своим теплом.

Я смотрел на исцелителей земли, и мне все казалось, что они заняты сбором урожая. В самом деле, такое впечатление, будто люди собирают урожай... камней. И подумал: а все же интересно, сколько тонн камней «дает» каждый гектар. Оказалось, в среднем по тысяче тонн. Это в среднем. Бывает, и до пяти тысяч тонн доходит.

Я убежден, придет время, когда о рукотворных землях Армении люди будут говорить как о загадке, как о египетских пирамидах.

Девяностолетний талинский колхозник Петрос Аветикович Ованесян вспоминает: «Мы выбрали эти камни, потому что здесь была свобода, была Россия, и с ней спасение. Мы считали, что здесь невозможно жить. Думали, к следующей весне уедем с этих мест. И потому строили дома-временки. Здоровые дрова жгли, а гнилье шло на строительство. Но вот пришла новая власть. Она вселила веру в нас. Сплотила. Нас объединила организованность и техника. И выжили все, кто добрался до Русской Армении. Все до единого».

Старик говорил еще о том, что каждый клочок земли был очищен от камней на его глазах, каждое дерево было посажено при нем. И все же самому не верится, что землю можно, как он выразился, достать из-под земли. И не только достать. Но и выходить.

Старика можно понять. Вырвав землю из лап смерти, еще нельзя считать ее ожившей. Она еще долго остается чахлой. Например, одной из причин изреженности виноградника специалисты считают перенесенную в прошлом болезнь самой земли. Несколько лет назад такая изреженность составляла в среднем около шестидесяти процентов. Это значит, из ста виноградных лоз плодоносили только сорок. Сейчас, благодаря эффективным и интенсивным оздоровительным (в буквальном смысле) работам, эта цифра доведена до двадцати пяти процентов. Все же мы еще теряем четвертую часть продукции. Но потом подумал: не теряем четверть, а приобретаем три четверти. Ведь в старину никто и не предполагал, что мы выжмем из камней хотя бы одну кисточку. Еще в начале тридцатых годов ради одной грозди для больного человека люди отправлялись в далекое путешествие.

Но как бы там ни было, изреженность — это зло. Со злом борются. И борьба тоже входит в комплекс мероприятий по созданию земли. Читаю в научном труде: «Если лоза не взошла, то в каждую ямку глубиной до семидесяти сантиметров вносим необходимое количество плодородной почвы, ведро перепревшего навоза и чуть меньше полукилограмма суперфосфата. В течение вегетативного периода систематически поливаем водой, добавляем удобрения. Новые кусты на второй год уже начинают плодоносить, но свое доброе дело они делают еще раньше. Своими корнями укрепляют землю».

Такая «укрепленная» земля уже не подводит своего творца. Об этом я подумал, когда у нас в Армении гостил итальянский журналист Энцо Рава. В местечке Гарни он справлялся у крестьян, зани-

мающихся посадкой нового яблоневого сада на «новой земле»: «Сколько приживается саженцев из, скажем, десяти посаженных?» Крестьяне пожимали плечами. Тогда итальянский журналист, кстати, гость «Литературной газеты», спросил: «Ну, а сколько приживается из тысячи?» — «Вся тысяча», — ответили крестьяне. Позже Энцо Рава написал мне из Рима письмо, которое перевел с итальянского знакомый репатриант, проживший пятьдесят лет в Италии. Там были такие слова: «Я никогда не забуду беседу с крестьянами, водружавшими, как знамена, яблоневые саженцы в аккуратно вырытые ямы, засыпанные привозной землей. Вспоминая о своем путешествии по Армении, я теперь не удивляюсь, почему из тысячи посаженных деревьев вырастает вся тысяча. До сих пор удивляет: когда армяне успели свои бесчисленные горы превратить в нескончаемые террасы-лестницы, и как поднимается на выжженные солнцем вершины гор холодная вода...»

Я ответил итальянскому коллеге, что террасы на склонах гор в Армении строят (именно строят) испокон веков. Террасы, как лестничные площадки — ровная поверхность, это куски равнинной земли, в которой и влага держится дольше и почва не смывается ливнями. Вертикальные стенки террас складываются камнями, сейчас их даже строят из бетона, и потому порой отдельная сопка, отдельный холм, охваченные террасами, напоминают египетские пирамиды. Кто-то из украинских литераторов во время декады украинской литературы в Армении пошутил: «Если армянские горы разгладить утюгом, то их территория будет не меньше самой Украины». В шутке украинского друга есть доля правды. Создавая земли на площадках террас, люди практически разглаживают горы. И работа эта в Советской Армении, можно сказать, поставлена уже на индустриальную основу.

Сотворение земли в условиях Армении — это вопрос двудесятилетний. Бесплезно очищать землю от камней, если не будет воды, как бесплезно подводить воду к участку, нафаршированному камнями. Вот почему в государственных документах всегда рядом со словом «освоение» можно прочесть и «орошение». «План освоения и орошения земель...», «Генеральная схема комплексного освоения и орошения каменистых земель...» Более восьмидесяти процентов сельскохозяйственной продукции Советская Армения получает с орошаемых земель, созданных руками человека...

В одном ошибся гость из Италии Энцо Рава. Холодная вода не поднимается на выжженные солнцем вершины гор. Она,

скорее, спускается с вершины гор. Спускается из высокогорного озера. Из Севана. Чтобы оросить освоенные земли, недостаточно было только спустить воду Севана или рыть каналы. Как уже сказано, за исключением кусочка Араратской долины, в Армении больше не найдется такого места, где можно было бы отыскать ровную площадку размером с футбольное поле. Горы и ущелья. И вода должна проходить по горам и ущельям. Трасса любого магистрального оросительного канала — это сложное современное архитектурное и инженерное строение. И здесь не обойтись без дополнительных затрат. Так, например, Воротанский канал всего в двадцать восемь километров имеет одиннадцать огромных дюкеров, двенадцать акведуков, пять насосных станций, семьдесят других гидротехнических сооружений. А всего в Армении сегодня действуют оросительные каналы общей протяженностью почти в пол-экватора. И чтобы такая живительная водная система, питающая республику, могла бесперебойно функционировать, нужна круглосуточная, ежечасная вахта на двухстах пятидесяти насосных станциях и пятидесяти больших и мелких водохранилищах. Таковы жестокие требования горных условий края.

Случается, очистишь участок от камней, а там, внизу, вовсе и не земля. Там, внизу, какой-то неплодородный слой. В таких случаях завозят землю, чернозем, издалека. Завозят поездами, самосвалами. Но вода — не чернозем. Ее не завезешь издалека. А имеющиеся в республике реки-ниточки, не успев наполниться своими родниковыми притоками, уходят в тартарары. Двадцать горных хребтов пересекают вдоль и поперек республику. И по их ущельям утекают воды, словно дразня тех, на чьей земле они родились.

В трудах армянских ученых и исследователей, в книгах писателей и историков можно прочитать о том, как на протяжении веков жители Восточной Армении мечтали утолить жажду земли. Единственный выход: приостановить бег горных рек.

Достаточно отметить, что регулировать естественный сток рек Дебед, Аракс, Севджур, Ахурян, Гергер, Раздан, Агстев, Шнох, Воротан и других будут шестнадцать новых крупных водохранилищ. В них аккумулируется более одного миллиарда кубометров воды. Для сравнения скажем, что это в два с половиной раза больше, чем то количество воды, которое ежегодно используется из Севана для орошения. Это значит — продолжение легенды. Ибо уже сейчас увеличение полезных площадей в Армянской ССР считают легендой.

Если до сих пор в Армении в ходу было словосочетание «новая земля», то теперь часто можно слышать о пока еще непривычном «новая вода». Новая земля и новая вода рожают новую жизнь, которую сегодня не может видеть только слепой. К несчастью, нередко мы сами бываем слепыми. Желая прослыть оригинальными, боимся казаться оптимистами. Оригинальным и даже модным порой воспринимается тот, кто без конца ноет и охаивает, ворчит и придирается к мелочам.

Я думаю, все-таки мир держится на оптимистах. Мудро звучит это слово на армянском. Оптимист — «лаватес». Лаватес, человек, который видит хорошее. Человек, который не просто видит завтрашний день, но видит день этот ясным, солнечным. Человек, который сам творит этот солнечный завтрашний день на сотворенном его руками и его «гневным духом» клочке земли. Именно о «клочке земли» мечтал один из величайших оптимистов мира Микаэл Налбандян. В своей книге «Буржуазная дипломатия и Армения» Джон Киракосян пишет: «Микаэл Налбандян первым в армянской действительности поставил вопрос о родной земле и связал проблему нации с необходимостью «приобретения клочка земли». «Нация без родины не имеет будущности... наш клочок — наша родина». Родина, которая, как и мир, держится на оптимистах.